

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИМАН КАЛЬБИ

ПАДАЯ ЗА ТОБОЙ

Его обвивая

Иман Кальби

Падая за тобой. Его бывшая

Серия «Падая за тобой», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65288082

SelfPub; 2024

Аннотация

-Понравилось кувыркаться с моей женой?– спрашивает спокойно, даже отстраненно. Я бы за такое убил бы, не раздумывая, а он держится... пока...-Да, Арсен, врать не буду, очень понравилось,– ответил и ухмыльнулся, сумев, наконец, вывернуться из захвата и поднять лицо на Капиева. Тут же получил со всего маху по морде его ногой. Мудак. Удары он наносит тоже бесчестно, как все делает в этом мире.– Запомни, щенок. Я никогда ничего своего не отдаю. Никогда. Камила моя. Она не знает, что я в курсе о вашей связи. И не узнает. Прощу ей эту блажь. Но если еще раз появишься в ее жизни, не прощу... Убью сначала ее у тебя на глазах, а потом тебя пришлепну. Усёк?
#Первая_любовь#ПЕРВЫЙ РАЗ#ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ#ВСТРЕЧА
СКВОЗЬ ГОДА#ИЗМЕНА#ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО

Иман Кальби

Падая за тобой.

Его бывшая

Пролог

Камила

Вы когда-нибудь видели горную реку? Мне всегда казалось, что ее течение- одно из самых завораживающих зрелищ в мире... Горная река похожа на женщину Кавказа... Скованная громадами гор, словно мощными спинами наших мужчин, она все равно ревет и мечется, мечтая вырваться из вечной западни, но почти всегда усилия ее тщетны... Она страстная и ледяная одновременно, она шумная в гневе и безмолвная в неизбежности принятия своей судьбы, она кристально чистая и в то же время, стойко переносящая любую грязь, которую встретит на своем пути, она бьется об острые каменные пороги, словно это рок наносит ей удар за ударом, но все равно продолжает бежать вдаль. Её энергию и напор сдерживают крутые берега- обычаи и нравы, неизменные веками, а она вопреки всему несется бурным потоком вниз, несется к свободе... к морю... Не все ее воды добегают до конечной цели. Их иссушает жаркое солнце, они разливаются на мелкие ручейки, питая земли и становясь источником питья для сел и городов, но кто-то ведь все равно добе-

гает...

Я всегда мечтала быть рекой... мечтала быть именно той водой, которая доберется до моря и получит долгожданную свободу... И иногда, еще в детстве, мне казалось, что я могу прыгнуть в нее- и мечта исполнится... Но годы шли... Я все смотрела на это бурное течение и не решалась сделать шаг вперед... Я так и осталась трусихой на берегу. И теперь, спустя столько лет, такая же трусиха... Хотя мысли о том, чтобы стать частью этого бешеного потока, опять меня одолевают с маниакальной навязчивостью, потому что снова в моей жизни появился Он и все разворошил...

Моя рука нервно сжала перила террасы, выходящей на обрыв. Я закрыла глаза, вслушалась в рев воды внизу... Мощный, свободный, отчаянный... Такой, какой бы хотела быть и я.. Но я здесь... Я могу лишь стоять и безропотно сжимать перила террасы этого проклятого и прекрасного одновременно дома... Дома, построенного по моему проекту, для меня... Очередная моя игрушка в глазах других... И только я знаю, что этот дом- мавзолей нашей с Ним любви... А вернее, склеп. Любви, вырванной у меня, отобранной судьбой, украденной одним свежим сентябрьским вечером...

Я слышу звук зурны и барабанов. Там, внизу, на нашем дворе, на стороне, выходящей на село, уже во всю празднуют свадьбу... Но я пока не решаюсь туда спуститься. Здесь, у обрыва, с видом на реку, мне спокойнее.

–Камила,– голос за моей спиной,– пора, идем.

Оборачиваюсь к нему. Подхожу. Беру за руку. Он осматривает меня с головы до ног, удовлетворенно хмыкнув. Белое платье, слишком откровенное для местной среды, прилегает к моей фигуре, волосы собраны в аккуратную прическу, лаконичные украшения...

– Просто красавица, как всегда, впрочем, – шепчет, беря меня под руку...

И мы спускаемся вниз, я параллельно слышу, как мои каблуки отбивают такт по каменным ступенькам, а в висках чувствую биение сердца...

Сглатываю, понимая, что мы подходим к месту, где уже во всю идет торжество. Собираюсь с силами, пытаюсь усмирить давление. Поднимаю глаза, видя по центру на противоположном конце жениха и...

Глава 1

Невесту...

Его невесту...

Мой муж Арсен замечает мой взгляд, а может мне только это кажется, и сильнее, почти до боли сжимает мою руку. Мы невозмутимо проходим к центру, туда, где сидят молодожены. Нам приготовлено почетное место справа. Еще бы, праздник проходит в нашем доме... Пока идем через весь зал, чувствую на себе неодобрительные взгляды женщин. Они всегда на меня так смотрят... Перешептываются... Да я бы сама перешептывалась...

–Посмотрите на нее, дааа... Платье белое надела, да еще открытое какое, а? Бесстыжая жена у Арсена... Всегда такой была, с детства... И кто на свадьбы надевает белые платья? Невесту хочет перещеголять? Ва-ба-бай, и что только не делает эта женщина, чтобы нас задеть... Показать, что особенная цаца. Драная... Помним, помним мы ее десять лет назад. Такая же спесивая была, зато за душой ни гроша... Мать полы мыла по ночам в школе, чтобы хоть как-то прокормить эту белоручку...

–Да какую белоручку, Зохра? Криворучку, жи есть. Она же никогда ничего сделать не могла нормально- ни двор подмести, ни за водой сходить, ни корову подоить... Да платье подвернуть не могла она, тьфу! Забыла что ли, вечно тройки получала на труде у Кристины Надировны...

–Точно, точно, Сабина. Правду говоришь. Только видишь, не нужно ей оказалось это все. И платья теперь есть кому подворачивать ей, и еду готовить, и двор подметать... Не двор, гектары... Там знаешь, сколько у них домов... И как он ее в жены взял? За что? Ни кожи, ни рожи...

–Не родись красивой,– умозаключили толстозадые плодovитые кумушки, сидя за одним из столов,– Алмаз ведь тоже за ней как бегал, помните? Дрался все время за нее, эту русачку вонючую... Думали, засватает сразу после школы...

–Да кто бы ему разрешил, да?– вмешалась двоюродная сестра Алмаза,– она вообще по жизни кто, эта Камилла-полукровка... Мать русская, нелюдимая... Отец помер

давным-давно... Тоже странный был человек, царство ему небесное. Привез эту женщину откуда-то из России... А она ну никакая! Мало своих было что ли! Ишаки эти мужики, конечно. Все берут, что плохо лежит... Та еще семейка, короче! Ни роду, ни племени... Кто на таких женится...

–Ну как кто, посмотри,– усмехнулась, встряв в беседу до последнего молчавшая Рузанна,– олигархи из «Форбс».

–Тюю, то же мне Форбс-Шморбс. Таких олигархов даром не нужно самим. Мутный он, этот ее Арсен. Даром так его за спиной и называют – «Мутный». Кликуха такая у него. Да и старый он... Я бы за такого не пошла...

–Да он тебя и не звал, Леанна, че ты вякаешь, тоже мне, нашлась, центровая... Ты раньше говорила, что и за Алишку бы не пошла, но пошла же... Куда бы делась... И ничего этот Капиев не старый. Вон, какой – статный, стройный. Сразу видно, что деньги и власть с мужчиной делают. Сорок пять лет- это для мужчины самый сок... Это тебе не двадцатилетний соплежуй, который знает только, как под юбкой у мамыши прятаться...

Камила по ходу движения одарила их пренебрежительно надменным, чуть заметным кивком. Как-никак ее одноклассницы. Прошла дальше, следуя за мужем...

В воздухе повисла тяжелая, давящая на легкие гремучая смесь из зависти, презрения, пота и ароматов еды на ломящихся от изобилия столов... Камила хотела вырвать руку из захвата мужа и убежать отсюда прочь, но Его взгляд не да-

вал. Он прожигал ее. И ей казалось, что вот-вот на ее белоснежном платье в пол, которое вчера привез по прилету и заставил ее насильно сегодня на себя надеть Арсен, появятся два горелых пятна от этого Его взгляда.

Глава 2

Алмаз

Мадина очень красивая девушка. Добрая, искренняя, чистая... Я счастливчик... Шепчу себе, стоя у зеркала, застегивая эти проклятые запонки, душу я их монал. Не мое это все... Не для костюмов и этих белых рубашечек с воротниками я создан... Захотелось с силой подубасить грушу, выпустить пар... Как-то надо было выдержать эту пытку в виде радостного торжества. Выдержать эти приторные поздравления, веселые лица, выдержать Его и Ее присутствие... Последнее было сделать сложнее всего... Стоило мне увидеть ее после стольких лет там, в этом гребанном самолете, все снова завертелось, зарябило перед глазами со скоростью света. Я изменился, мир изменился, только эта моя поганая одержимость ею осталась прежней... И как так, Алмаз?-спрашивал себя, смотря в собственные глаза в отражении зеркала и не узнавая его... Почему опять головой не думаешь... Ругал себя, настраивал на мысли о будущей жене, а сам на нее и не глядел, сидя за праздничным столом. Вздрагивал при каждом появлении нового гостя... Все надеялся, что это она появится...

Когда я в очередной раз поднял глаза и увидел Камилу в

этом платье, сердце ушло одновременно в пятки и в горло. Вот оно, чувствую его биение по всему телу, словно это меня засунули в молотилку и дубасят. А казалось, его уже и нет там, в груди... Высохло все, зачерствело...

Она была сказочной... Она была мечтой... Моей долбанной мечтой... Затмевала всех, словно это она невеста... Словно это она жена... Но она не моя невеста, она не моя жена... Она моя влажная фантазия... Мое наваждение, под знаком которого прошла вся моя юность, пока эта бессердечная расчетливая сука не схватила своими красивыми ручками мою любовь и не разбила ее об острые скалы... В моих ушах до сих пор стоят ее слова...

-Да кто ты такой, босяк, для меня?! Ты меня видел? А себя? Не для тебя я... Все, поигрались и хватит. Возьми себе в жены какую-нибудь идиотку, которые по тебе сохнут, а мое место не здесь, в вашей вишивой селухе, среди баранов и коров, а в столице, при том не республики, а страны нашей, в Москве! Так и запомни. Я на обложках буду. В шелках и мехах. В бриллиантах настоящих. А не с твоим бульжником... Вон пошел от меня...

Тот день, когда я прибежал к ней, сломя голову, после дембеля, я запомню навсегда. Ног не чувствовал, как бежал. Ехал четыре часа стоя в автобусе из столицы в горы, только потому, что каждая секунда разлуки с ней была невыносима, легкие сжимало от поганой тоски по ней. Я пришел к Камиле раньше, чем в отчий дом, к матери и отцу. Потому что она

была для меня важнее всех на свете. Важнее себя... Я бы за нее душу отдал. Сказали бы- прыгни вниз, на скалы, прыгнул бы... А на следующий день мои родители должны были идти ее сватать... Мы заранее уже все обговорили, еще когда приезжали в последний раз ко мне на свидание в воинскую часть в Краснодаре, где я служил... Но никаких сватов мы так и не отправили. Она оказалась уже засватанной. Завтра она уезжала. В Москву. Как в детской песне, за ней «прилетел вдруг волшебник на голубом вертолете»... Она должна была стать женой другого.

Помню, как зашел домой, оплеванный ее равнодушным, грубым, даже каким-то надрывным презрением, все еще сжимаю в руке сраный веник каких-то цветов, которые сорвал, когда бежал к ней по лугу. Молча, не здороваясь, снял обувь, зашел к себе в комнату. Родители сидели за столом. Тоже молча. Они все знали... Не трогали меня в тот день, спасибо им и на этом...

Наверное, они слышали, что как только закрылась за мной дверь в комнату, по покрашенной известкой с добавлением синьки глиняной стене прокатились два глухих удара... Моим кулаком... Моим сердцем... Моими гребанными чувствами... И в тот день я поклялся себе, что забуду ее... Навсегда забуду... И эта клятва стала очередным моим обещанием самому себе в отношении нее, которое я нарушил...

Я пролежал в комнате, не вставая, не притрагиваясь к еде, не разговаривая ни с кем, ровно неделю. На удивление ме-

ня никто не трогал... Мать тихо плакала на кухне и молчала. Отец что-то ворчал себе под нос, но тоже молчал... А потом я просто проснулся и понял, что они не заслужили такого меня... овоща... ничего не желающего... ничего не чувствующего... кроме нее... Стыдно стало... Слабак конченный. Терпила. Баба ноги об меня вытерла, а я раскис, как тряпка... Взял себя в руки. Поднял одеревеневшие конечности и пошел во двор колоть дрова. Через двадцать минут ко мне вышел отец. Сел рядом. Помолчал еще немного, а потом тихо сказал.

–Сегодня вечером начнем. Надо тебе в форму приходить, сынок. Скоро поедешь на Россию...– сделал паузу, пожевал зубами тоненький колосок, добавил,– все пройдет, мальчик, и это тоже пройдет... Мы все когда-то любили... а потом наступал... долг... семья... любовь – это наивная прихоть безмятежной юности... Она как эта трава зеленая- сочная и красивая только сезон, а потом превращается в желтую труху. На таком фундаменте крепкий дом не построить. Дом должен стоять на камнях... *Сердце твое всегда должно оставаться каменным... А твое вообще-алмазным... Ты же у меня Алмаз... Самый крепкий из всего камней...*

Глава 3

Десять лет назад

Камила

– Русалка, а русалка, угостишь мороженым?– надвигается на меня Анзор, злобно-приторно сверкая своими узки-

ми противными глазенками, гаденько ухмыляясь. Ненавижу его. С самого детства ненавижу, когда не могла пройти к ручью за водой без того, чтобы он не начал обкидывать меня мелкими камнями. Они больно били по моим ногам, особенно невыносимо было, когда они попадали не по мясу, а по кости. Синяки от ударов на лодыжках не сходили месяцами. Приходилось все время носить высокие гольфы в школу, чтобы хоть как-то их скрыть... А денег на несколько пар у нас не было... Я стирала их каждый день... А они, как назло, то и дело не высыхали к сроку... Натягивала влажный хлопок на ногу, шла по свежему утру в школу, ощущая, как ноги коченеют...

–Дай пройти,– голос дрожит, но я отчаянно храбрюсь, пытаюсь придать своей интонации как можно больше смелости.

–А то что?– надвигается неумолимо, а я пчусь назад, пока не упруюсь в спину его дружку. Такому же мерзавцу, -папке пожалуешься?

Оба взрываются ужасным, тошнотворным, истеричным смехом.

Это они так пошутили. Смеются до колик в животах. Мой отец ведь умер как десять лет назад. Некому мне жаловаться. Я одна, не считая бедной уставшей матери, которой самой в пору было бы искать защитника... Ей самой достается от мелкой шпаны, когда уставшая плетется в одиннадцатом часу ночи по неосвещенным кривым улицам к нашему дому из школы после ночной смены технички.

–Ленивая ты. Могла бы своей матери захаживать на подмогу, Камила,– теперь я зажата между ними двумя. Так близко они, что чувствую удушающую чесночную вонь из их гадких ртов,– что она одна у тебя кочевряжится, а? Пришла бы вечером, помогла ей полы драить, раком бы встала с тряпкой, а мы бы посмотрели на твою задницу в окно,– Анзор с силой сжимает мою ягодицу, а я от ужаса открываю рот, как рыба, даже закричать не могу, как мне страшно... Из последних сил начинаю отбиваться, колочу по груди, да куда придется, потому что плохо соображаю от тотального страха, сковавшего все тело.

Он и раньше наглел, все время меня задирает, в школе на уроках, во дворе... Но вот чтобы так... Нагло... Такого раньше не было... Что же изменилось...

С силой, наотмашь бьет меня по лицу, больно ударяя своей костяшкой о мою скулу.

–Урод, -шепчу, предательски сдаваясь потоку слез, застилающих теперь мои глаза, но успеваю до этого увидеть его морду, на которой теперь отчетливо читается что-то темное пугающее, порочное... Тогда еще я не знала этого взгляда...

–Я тебе что говорил, а? Чтобы со мной села за парту... Не выпендривалась. А ты по-хорошему не хочешь? Научить тебя, как по-плохому бывает? Проверим сейчас, ты с русаками там летом чем занималась в Краснодаре? Целка еще?

Я начала истошно отбиваться, но он уже грубо вжимал меня в себя. Неужели никто не поможет мне?

А ведь никто не поможет... Некому мне помогать... В суровом краю, где роль женщины низведена до утробы и рабсилы, без опоры пропадешь... А у меня не было опоры. Некому было меня защитить... Поэтому они себя так со мной и вели...

–Быстро отошли от нее!-слышу поодаль грозный голос. Все еще дико страшно, но все равно, паника немного отступает.

Я знаю этот голос. И хотя я слышу его редко, не спутаю его ни с чем. Он такой же каменный, как имя его обладателя... Это Алмаз... Другой мой одноклассник. Молчаливый негласный лидер, которого боятся все... Потому что самый сильный... Потому что из авторитетной семьи. Авторитетной- в смысле уважаемой. Они так же не богаты, как и все остальные. Нет у нас тут богачей. Наше богатство- камни да мускулы, как говорили старейшины. Семья Атабековых была древнейшим родом нашего села, уходящим корнями к его основателям. Отец Алмаза- бывший спортсмен, какой-то там чемпион республики, а ныне учитель физкультуры и в свободное время тренер для мальчишек, мечтающих начать бойцовскую карьеру, пользовался почетом и среди молодняка, и среди стариков. А все потому, что был спокойным и рассудительным, левых движений не совершал, слабостей не проявлял... Да и смотрели на него тут все как на спасителя. Для безнадеги жизни в нашей селухе он был как луч света в темном царстве, который дает возможность молодежи

выпускать тестостероновые пары на спарринге, а не хулиганством заниматься...

Анзор вздрогнул, узнав голос моего защитника, как и я...

Дружок его, как по волшебству, испаряется. Но Анзор медлит. Тот еще говнюк. Прямо чувствую, как в нем борются два начала. Одно трусит, пятится назад, а другое слишком сильно вцепилось в свою добычу.

—Анзор, ты оглох?—повторяет голос сзади еще более грозно.

Тот все-таки отступает, оценив соотношение сил, напоследок сильно дернув меня за косу.

—Еще поговорим, —шепчет мне сквозь зубы, и я медленно оседаю на землю, словно оглушенная происходящим.

Чувствую Его шаги. Встает рядом, нависает. А я все еще предательски плачу. Вспоминаю чесночную вонь изо рта Анзора- и вырвать хочется... Не хочу опять этого всего, не хочу этих издевательств, гнобления. Этих камней по щиколоткам, а теперь еще вот этого-чего-то наглого, грязного, пошлого... Как мне вытерпеть еще один год, последний год в школе рядом с этим Анзором...

Молча протягивает мне руку. А я машинально ее беру. Она большая, мозолистая.словно лапа медведя... Хотя откуда я знаю, какая лапа у медведя...

Дергает вверх, достаточно резко. Я встаю. Вытираю слезы. И вдруг чувствую, как он проводит большим пальцем по скуле. Только сейчас понимаю- там болит.

—Это он сделал?—хрипло шепчет.

Я молча киваю, поднимая на него глаза. И вздрагиваю. Мы оба вздрагиваем. Не знаю, что это было, но словно молния между нами ударила. Я прям увидела эту вспышку. По-клясться могла, что увидела.

И его... Так близко никогда я его не видела. Он такой красивый, оказывается. Какой же он красивый. А я раньше даже поднять глаза на него боялась. Он всегда мне казался таким пугающим... Таким небожителем... Куда мне смотреть на лидеров... Я была загнанной овцой, предметом постоянных шуток и приколов одноклассников. Сносила эти издевательства год от года, мысленно считая секунды до лета, потому что летом, если получалось, мама отправляла меня к своей сестре в станицу под Краснодаром, на ее родину. И там я могла выдохнуть хотя бы немного. Там тоже меня могли и обозвать чуркой, и начать задирать, но это было не так больно и не так страшно, как здесь, на земле, где я родилась... Добрее они все были там что ли... Да и без меня там было кого трогать... Свои героини, так сказать.

—Он больше никогда тебя не тронет, Лала...—прошептал он почти одними губами... А я вздрогнула, впиваясь в него глазами... Словно мне вдруг стало можно... Словно я коза, которую запустили в огород и разрешили поесть все, что там росло. И я ела... Поглощала... Впитывала этот образ. Его широкие плечи, сильные жилистые руки, волевой подбородок, острые скулы, большие светлые глаза, красивые полные

губы, ровный нос, похожий на профили древнегреческих богов. Он был словно высечен из камня. Словно огранен самой природой какой-то идеальной, до невозможности красивой, но аскетично-лаконичной огранкой. Алмаз...

И это его «Лала»... Никто никогда не называл меня Лала, кроме отца... Так давно это было, что я бы и не помнила, если бы не книга сказок, которую он подписал мне на день рождения... Я читать- то тогда не умела... Но он ведь знал, что наступит день, когда смогу... И наступил, конечно... Просто тогда я уже в сказки не верила...

— Не бойся его... Никого больше не бойся... *Со мной тебе надо бояться только меня, Лала...*

Глава 4

О том, что что-то изменилось, я поняла еще до неприятного инцидента с Анзором, тогда, когда приехала в конце августа со станицы. Загоревшая на местном озере, откормленная теткинскими харчами. У нее было сытнее, чем у нас с мамой- почти каждое утро свежее молоко, жирная сметана, мясо... Мы мясо могли позволить себе только по праздникам, а ту скудную порцию молока, которое давали две наши старенькие коровы, мы продавали в сельском магазине, чтобы хоть немного прибавить к маминому скромному доходу. У мужа тетки был свой автосервис, да и сама она торговала на рынке турецкими вещами. Так что какие-никакие деньги да водились. А краснодарская земля была плодородна- что ни посади, все вырастало, где семечка ни упади, будет тебе

через месяц росток. Это не то, что у нас- легче зубы дракона прорастить, чем пшеницу в этой каменистой, сухой земле...

В тот день я шла за хлебом в сельский магазин. На мне был невообразимо красивый, как мне казалось, белый сарафан из шитья. Тетя подарила перед отъездом. Вещица из тех, что она продавала на рынке. Оказалась бракованной- нижний ряд кружев был другим, то ли по ошибке, то ли потому, что на кустарной фабрике закончились такие, как были пришиты выше. Покупатели вредничали, не брали... Тетка даже решила грешным делом этот нижний ряд не из той серии отпороть.

—«Может переделаем и купят»,— сказала мне и попросила примерить, чтобы прям на мне его и перешить. Я его надела а оно мне как влитое. Вот она и плюнула, решила мне отдать платье. Очень уж оно мне шло...

—Красивая ты, Камилка, родилась у этих чертей... Убегать тебе надо от них... Сожрут они тебя...

А я с удивлением смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Куда делась та угловатая худая девчонка с затравленными глазами. Из зеркала на меня смотрела высокая, фигуристая девушка с длинными волосами цвета вороньего крыла, огромными карими глазами и белоснежной кожей. И мне отчаянно хотелось похвастаться собою новой, выросшей за это мое пятнадцатое в жизни лето под щедрым солнцем краснодарской пашни, среди пьяных от посиделок на забродившем арбузе августовских мух и насыщающего аромата ва-

реной кукурузы с желто-зелеными волосами... Мне казалось, что сейчас увидят меня все в селе- и обомлеют. Перестанут шептаться вслед, хихикать исподтишка, задирать... Наивная я была... Не понимала, что в моем положении красота- это еще большее проклятие, чем наша бедность и отсутствие мужчины-защитника в семье.

В тот день я шла к магазину и трепетала- новое платье, новая я. Волосы распустила зачем-то, дурочка. Новые гольфы. Белоснежные... Вдруг чувствую, как на меня сыпется листва и черные спелые ягоды сверху. Слышу звук трясущихся веток. Поднимаю глаза наверх- и вижу Алмаза на огромном тутовом дереве. И взгляд его на меня сверху вниз- какой-то терпкий, пьяный... Посмотрел и ухмыльнулся. В тот день он впервые в жизни на меня посмотрел... Впервые... И я прям оторопела... А потом опускаю глаза на белоснежное платье и ужасаюсь- оно все в темно-сиреневых пятнах от сока тутовника. А ведь он не отстирывается... Всё, вещь на выброс... Может в городе в химчистке его бы и почистили, но куда мне до химчисток. В нашей холодной, как лед, воде с родника, с сухим и вонючим куском хозяйственного мыла, я никогда не смогу выбить из тонкого хлопкового кружева эту сиреневую черноту... Слезы брызнули из глаз. Понеслась домой... Сажу на лавке у сакли. Хочется выть от беспомощности и обиды. Но не хочу расстраивать мать. Собираюсь с силами. Захожу в дом, снимаю новое испорченное платье и кладу его в шкаф, подальше, чтоб ни мама не нашла, ни мне оно глаза не мо-

золило... Красивой быть захотела... Куда мне... Быстро же меня приземлили... Хорошо хоть, коровьими какашками не закидали, а ведь могли...

А через пару дней было первое сентября. Суматоха начала учебного года. Линейка, первый звонок, накрахмаленные передники поверх черных платьев, учебники из школьной библиотеки, сладко пахнущие бумажным клеем, изрисованные и изорванные предшественниками, гомон одноклассниц после летних каникул- кого уже засватали, за кого уже заплатили для поступления, кто что делал и куда ездил... Очередные приколы одноклассников...

В один из вечеров, сидя дома и делая уроки, я услышала, как по стеклу окна, еле слышно, ударил маленький камушек. Стекло осталось цело, потому что удар был очень слабым. Выглянула- все тихо. Мама была в школе, убиралась после вечерней смены. Уже стемнело, было немного не по себе. Меня всегда пугала, тревожила ночь в горах... Вышла на крыльцо, всматриваюсь в прохладную темноту и вдруг нога что-то цепляет. Опускаю глаза и вижу, как опрокидывается белое эмалированное ведро с гулким стуком о циновку, а из него сыплются ягоды черного тутовника. А еще рядом лежит какой-то газетный сверток. Оглянулась по сторонам. Никого поблизости не было. Только сердце невольно забилося, потому что по вискам бьет догадка... Быстро собрала прямо руками рассыпавшиеся ягоды, измазав руки в сладко-липкий сок. Взяла сверток и зашла домой, на свет. С нетерпением

разорвала его и увидела белое платье. Оно было другое. И не моего размера. Немного больше. Но тоже с кружевом... Я приложила его, глядя на себя в зеркало серванта, и сердце мое впервые забилося как-то по-особенному быстро...

Глава 5

После той истории Анзор со своими дружками, казалось, оставил меня в покое. Да и в целом одноклассники стали относиться ко мне как-то более спокойно что ли. Не было больше ни смешков, ни подколов, ни перешептываний. Казалось, я просто стала одной из, не белой вороной, а совершенно обычной девчонкой. Алмаз больше не проявлял в отношении меня совершенно никакого интереса. Как не здоровался раньше, так и продолжал не здороваться. Просто не чувствовать меня, не замечать. И мне уже даже стало казаться, что заступился он за меня тогда просто из жалости. Будь на моем месте бродячая кошка и глумись над ней Анзор, он бы тоже встрял, не иначе. А вот ситуация с платьем и тутовником все-таки удивляла... Конечно, все указывало на него... Но... глядя исподтишка на его совершенно равнодушное, каменное выражение лица, полный игнор в мою сторону, скорее было предположить, что это чья-то злая шутка... Может и вправду кто-то прикалывался надо мной – увидел со стороны, как кто-то трусит на меня тутовник – да и решил развесть, посмотреть на мои красные от смущения и наивных иллюзий щеки, сделав так, чтобы я решила что это Алмаз...

Прошло больше месяца с начала учебного года. В горы потихоньку и украдкой пробиралась терпкая прохлада со свинцовыми облаками и дурманящим воздухом, пропитанным примесью аромата костров, прелой листвы и позднего урожая. Дни становились короче, вечера длиннее и все более зябкими... В тот день у матери было высокое давление. Она слегла еще в обед. Я поняла, что она снова приболела по запаху корвалола, ударившему в нос с самого порога, как только я пришла в обед со школы. Зашла в комнату- тонометр на кровати, высоко задранная перьевая подушка, бутылка горячей воды под икрами...

–Мам, ты отдохай, я схожу сама помою полы сегодня..– тихо сказала я.

Мать дернулась. Она маниакально не позволяла мне заниматься ее работой. Не хотела допускать меня до дела, которое считала постыдным и сама бы никогда до него не опустилась, был бы у нее хотя бы малейший выбор... Нужда-страшная вещь, она меняет человека, подобно тому, как твердая, суровая почва искривляет корни больших деревьев... Эти изменения постепенны, но они уродливы и необратимы...

Она так и не согласилась, чтобы я пошла вместо нее. Но усталость и упавшее, наконец, давление сделали свое дело – я услышала тихий мирный сап и решила воспользоваться ситуацией, пока она спит. Выскочила из дома, наспех натащив на голые ноги резиновые сапоги и накинув шерстяной платок на голову. Был девятый час вечера, зябко и сыро...

Намыв пол до блеска, я выжала тряпку, поставила швабру в техническое помещение и пошла домой. Жизнь горцев подчинена суровым здесь законам природы. Мы как животные. Зарождается рассвет- и мы на ногах, накрывает ночь- и мы должны спрятаться по своим норам. Идти было страшно, чего уж греха таить... Я шла и думала, что моя бедная мать преодолевает этот маршрут каждый день... А путь ведь по сельским меркам неблизкий- школа и наш дом были почти на противоположных сторонах селения. И почему мать давно не плюнула и не уехала на родину в Краснодар? Я часто задавала сама себе этот вопрос. Даже как-то спросила об этом в сердцах тетку, но та судорожно начала дергаться, жеманно смеяться и быстро переводить тему... Это только потом я догадалась, что матери попросту некуда было возвращаться со мной... Отчий дом был давно продан за копейки. А тетка жила со своей семьей, и никакая сестра с балластом в виде меня ей в ее жизни нужна не была... Наверное, будь мать посмелее, она бы что-то придумала, рискнула бы, уехала испытывать судьбу в большой город, как тысячи других... Но... не каждый человек способен на глобальные перемены... Кто-то выжимает из своей жизни максимум, а кто-то способен выжать только грязную воду из старой серой тряпки после мытья ободранного пола...

Его тень возникла из ниоткуда. Я невольно ойкнула, испугавшись и не сразу признав Алмаза в широкоплечей фигуре, надвигающейся на меня.

–Ты что шатаешься по улицам так поздно, приключений мало на одно место?– и снова этот хриплый голос. И какой-то упрек, укор в мой адрес...

–Алмаз...– сама не поняла, как это я вообще осмелилась произнести его имя, а он в этот момент как-то хрипло выдохнул,– это ты...

–А что, другого хотела увидеть?– навис надо мной грозно, смотрит в глаза, вглядываясь сквозь темноту. А я тону в блеске его огромных глаз. И сердце останавливается... И знать бы мне тогда, что это такое...

–Я это... маме помогала... Ей не здоровится... Пол мыла за нее,– а он берет меня за руку, трогает кожу своей мазолистой грубой рукой. Меня простреливает насквозь, от макушки до пальцев на ногах...

–Не для твоих ручек эта хлорка, Лала,– так нежно и так серьезно говорит. Словно от одного его слова я смогу изменить эту свою поганую жизнь и больше никогда не вспоминать про проклятое поломоиство. И самое смешное, что в тот момент мне действительно казалось, что смогу...

Порывисто вырываю свою руку из его захвата, а он за плечи берет и меня ведет от этого его прикосновения. Голова кружится, словно дурман в нее ударил.

–Как засватаю тебя, никаких больше тряпок, Лала... Не позволю больше...

Засватаю?– в голове все клинит от его слов, а сердце стучит в горле, готовое вот-вот выпрыгнуть наружу.

–Моя женщина полы мыть не будет по школам...-приближается к моему лицу... Губы почти у моих губ... И я как загипнотизированная, а потом вдруг прихожу в себя, отталкиваю его...

Что я творю? На улице... Любой может увидеть... Не хватало еще, чтобы меня гулящей обозвали. После такого позора клейма уже не избежать...

–Ты сначала засватай, а потом с поцелуями лезь. То же мне, Ромео!-резко выпалила и побежала домой...

На следующий день с утра по дороге в школу на пяточке меня караулил Анзор. Подбежал, как шакал, стоило мне только приблизиться к развилке двух перпендикулярных улиц, которые мы почему-то называли «пяточок». Очень любили здесь собираться пацаны и поддразнивать мимо проходивших девчонок, даже сварганили себе некое подобие стола с лавками... Чтобы удобнее было сидеть и грызть семечки себе под ноги... Ненавидела это место... Столько пошлых комментариев я собрала, пока вынужденно ходила мимо него годами...

–Сумку дала,– быстро выпалил он, буквально вырвав у меня из рук портфель. Я не сопротивлялась только потому, что даже желания вступать с ним в пререкания сил не было.

Идем молча. Я впереди, он сзади. Чувствую, как прожигает у меня в спине дырку своим взглядом.

Маршрут неблизкий и я машинально иду дорогой, кото-

рая почти вдвое короче и вдвое менее приятна, она проходит через старое кладбище и полузаброшенный после сошедшего оползня квартал. Под ложечкой предательски сосет. Как же мне избавиться от его «компании»... У кого помощи попросить. По дороге, как назло, никто не попадается. Все, как правило, другим маршрутом идут. Это я сглупила, решила, чтоб побыстрее... Мы почти пришли, я уже готова была вздохнуть с облегчением. Всего пару десятков метров- и свобода... Но не тут-то было... Анзор тоже понимает, что скоро я освобожусь от его назойливого присутствия и предпринимает очередную отчаянную попытку навязать мне разговор с ним. Как только доходим до узкой улицы шириной в два человека, не больше, почти на подходе к школе, он хватается за руку и заталкивает в один из глухих переулков. Там темно и душно, пахнет коровником. Свет сюда почти не проникает от грозно нависающих крыш старых домов. Страшная это часть села, старая и забытая, обычно я стараюсь обходить ее стороной. Как-то несмешно это все стало...

Я порываюсь закричать, а он закрывает мой рот рукой.

–Тихо, тихо, русалка. Я больше больно не сделаю, обещаю... – гладит меня теперь шершавыми пальцами по щеке, смахивает произвольно появившуюся слезу... -что же ты делаешь со мной, русалка... Думаю о тебе целыми днями... И откуда ты вдруг взялась такая красивая... То моль была невзрачная, костлявая, а как уехала к своим русакам, словно подменили тебя... Пацаны все уже головы посворачивали...

И этот все время вокруг тебя вертится... Только не достанешься ты ему, русалка... Моя ты будешь... Еще раз увижу рядом с ним, скину тебя в реку, поняла?-больно схватил за талию, шарит по телу, а я пытаюсь изо всех сил заорать через его сильную руку, зажимающую мне рот. Кусаю его, что есть мочи. Он шипит.

—Ах ты, дрянь... Как прихватила... Горячая...— снова переводит на меня глаза. Недобрые... светящиеся каким-то голодом... Наступает на меня, а я не знаю, что делать. Скулю, как трусливая собачонка... Потому что не обнаружат меня-конец моей чести. Обнаружат-тоже конец. У нас разговор с женщинами короткий. Сама спровоцировала, сама виновата. За приличными девушками пацаны не волочатся.

Он опять появился из ниоткуда. Просто схватил Анзора за шею и опрокинул в грязь. На секунду мне показалось, что он ему шею свернул. Но мой горе-поклонничек начал бултыхаться в грязной луже, как свинья, показывая, что живет всех живых...

На следующий день после того, как Алмаз отбил от меня Анзора в первый раз, я увидела этого шакала в школе с огромным фингалом под глазом. Знала, это ответка Алмаза за меня, за то, что ударил.

Сейчас все было ужаснее. Алмаз смотрел на меня, крепко сжимая в руках кисть визжащего Анзора и планомерно ломал ему один палец за другим... Меня трясло, словно я лечу с горы кубарем вниз, передергивало от этого гадкого глухого

звука ломающихся костей, но взгляд я не отводила. Словно Он держал меня, словно не давал этого сделать.

Нужно отдать Анзору должное, несмотря на адскую боль, он стонал, но не орал. Не принято здесь кричать среди мужчин. Они ведь у нас из камня. Закричал бы- ввек не отмылся от позора. Так что все, что он мог себе позволить- хрипло стонать, держа здоровой рукой переломанную и смотреть волком на Алмаза.

—Еще раз увижу возле нее, убью.— тихо, вкрадчиво и... устрашающе... Так устрашающе, что я сглотнула.

А потом он снова переводит взгляд на меня, а в нем такая ярость, что хочется убежать далеко-далеко. Подходит и отдирает меня от влажной земли, как щенка, за шкуру.

—Еще раз разрешишь кому-то, кроме меня идти рядом с тобой, накажу, Лала.

А дальше происходит что-то сумасшедшее. Он впечатывается в мои губы, больно, резко, горячо. Я чувствую солоноватый вкус, и это то ли привкус моих слез, то ли кровь от болезненного захвата его зубов на моей плоти, наши зубы ударяются друг о друга, и он нагло проталкивает свой язык в меня. Это так странно, так непривычно, так откровенно... Не знала, что так делают... Мне казалось, поцелуй-это просто прижаться губами к губам... То, что он творит – полное сумасшествие. Отрывается, наконец, и смотрит на меня пьяными глазами.

—Сегодня в шесть будешь ждать меня в пещере с ручьем,

у обрыва, поняла?-спрашивает тихо-тихо, так, что слышу только я. Молча киваю, сглатывая.

А потом говорит громко, обращаясь к несчастному с переломанной рукой на полу. Но глаз с меня не сводит. В них такой блеск яркий, а еще триумф... Я этот взгляд потом часто у него буду видеть- на ринге и... не только...

—Передай всем, Анзор, что Камила моя. Я ее сватать приду. Чтобы никто больше на нее не смотрел, а то зубы пересчитаю...

Мы идем к школе вместе. Рядом. Бок о бок. Я и Алмаз. И на нас смотрят все. Мои щеки горят и я почти не вижу дороги от волнения, глаза в пол от страха, трепета и стеснения, а сердце предательски радостно готовится выпрыгнуть из груди... Потому что впервые в жизни я иду рядом с кем-то, с кем я ничего не боюсь... Кроме него самого...

Глава 6

Алмаз

—Ты что устроил, сопляк? Кто тебе разрешал?!-кричит отец, то и дело закрепляя свои слова ударами по деревянному столу.-Мало ли что ты там напридумывал себе?! Фильмов пересмотрел?! В Ромео поиграть захотелось?! Ты вообще где живешь, ничего не попутал?!-кричит, распаляясь и краснея все больше и больше.

—Отец, я женюсь на ней. Это решено,— только лишь могу ответить жестко на его крики.

—Женится он... Это ж надо,— теперь ходит по комнате

нервно из стороны в сторону, – так у нас дела не делаются... Ты о девушке подумал? О ее репутации? Что люди скажут? Это у тебя гормоны играют, а ее честь не вернуть...

Устало закатил глаза.

– В чем проблема, отец? Я женюсь на Камиле. Люблю ее. О девушке я как раз и подумал. Сколько еще эти уроды будут ее задевать. Этот Анзор сам по ней слюни пускает... Да все пускают... Она такая...-замолчал... Неудобно перед отцом это обсуждать.

Он устало вздыхает и проводит руками по лицу, словно собираясь с мыслями.

– Что толку, что они на нее заглядываются... – шепчет себе под нос папа... – чтобы не видел тебя рядом с ней, понял? Увижу хоть раз- посажу на цепь, как пса... Школу закончишь- в армию пойдешь. Отслужишь. Там и поговорим. На Камилу твою посмотрим, чего стоит... Как тебя ждть будет... Дождется ли...

Поджал губы, но промолчал. Такое я предвидел. В армию и сам хотел... Просто правильное было бы сейчас ее засватать... Чтоб спокойно ходила по селу... Не как загнанный зверек, а как моя... Да и слишком яркой была ее красота... Такую красоту без внимания не оставляют... С такой красотой две дороги- либо к большому счастью, либо в бездну... Ну да ладно... Поговорю с отцом позже, он у меня отходчивый... Впереди еще почти год...

Сижусь с родаками, а мысли о ней... О ее запахе, о ее взгляде, об этом теле горячем, что под тряпками... И знаю, что не должен думать так о ней, что повода не давала, но не могу не думать... Как увидел еще у ее дома, как этот мудака за руку ее зацепил, когда портфель вырывал, красной пеленой все заволокло. Если бы посмотрела на него хоть раз, заговорила бы с ним, ее бы тоже наказал. Сильно бы наказал. Больно бы сделал. Но она молодец, повода не дала... Ломал этому говнюку его костяшки, а сам утопал в ее глазах. Все для нее сделаю, всех прогнусь, всех уважать ее заставлю... Чтобы никто даже взгляда на нее поднять не смел... Чтобы только я на нее смотрел... Только я ее трогал... Только я... С того дня, как пас ее поздно вечером у школы, у меня башку прострелило окончательно. Ее лицо такое близкое, губы влажные приоткрытые... Так и хотелось впитаться в них... И она хотела... Просто боится, девочка... Я тоже боюсь... Я тоже ничего не знаю из того мира, куда меня с ней влечет... Но как услышал это ее «Алмаз»— хриплое, нежное, женственное, утробное, понял, что падаю в бездну... Что хочу, чтобы говорила так снова и снова... Падала за мной... И падала ведь, когда я потерял над собой контроль и поцеловал-таки..... А потом утонул в ней... И больше мне не всплыть.

Как же медленно тянутся часы... Стрелка бежит вперед, а меня прямо лихорадит, как хочу ее увидеть без посторонних глаз... И страшно самому, что могу сорваться... Что заманиваю, как мотылька, на огонь, лишь бы крылышки ей не

сжечь... Решил выйти заранее... Немного проветриться... Пар выпустить, а то за себя не ручаюсь...

Она пришла к роднику с большим серебряным кувшином, какой носили наши девушки и женщины для сбора воды. Наше село не знало таких благ цивилизации, как водопровод. Все продолжали прокладывать себе дорогу жизни бытом, которым жили наши предки сотни лет назад. И дело тут даже не в том, что власти ничего не делали. Наш край был столь суров и скалист, что технически проложить к каждой саманной сакле воду было попросту невозможно. Какой-нибудь европеец из швейцарского села со всеми удобствами уровня пятизвездочного отеля сейчас бы скептически засмеялся. Но на то он и швейцарец. Чтобы изменить что-то в жизни горца, надо было сдвинуть каменные глыбы покрупнее тех, что держали на своих хребтах наши скромные жилища - наши традиции и нравы, которые не давали возможности появиться даже слабой тени чего-то нового...

Пришел заранее. Спрятался за кустом. Увидел стройный силуэт, бесшумно семенящий к нашему месту... Тогда еще, конечно, не нашему... Но потом оно станет для нас именно таким. Вижу, как нервничает, руки подрагивают, то и дело поправляют огромный шерстяной платок, закрывающий и голову, и туловище до талии. Я подошел как можно бесшумнее, почти уперся ей в спину. Когда она почувствовала мое теплое дыхание, со страхом дернулась и тихо писк-

нула. Я нежно провел по ее плечам, собирая все свое терпение в кулак... чтобы не сделать ничего того, что испугает ее, что опошлит меня в ее глазах... Не удержался, смахнул шерстяную ткань вниз, высвободил толстую косу, распустил ее, вдохнув дурмящий аромат ее волос. Какие у нее были волосы... Они сплели вокруг моего сердца паутину, пленив его навсегда. Дышу ими, нежно перебираю в руках прядь за прядью и ревную даже к ветру, который, словно обрадовался тому, что они теперь распущены, нервно их треплет, вторя моим движениям.

—Ты такая красивая, Лала... Ты понимаешь, что мне теперь без тебя не жить?—шепчу все, что у меня на уме, дурея.

—Алмаз...— снова этот голос, снова эта интонация, которые окончательно сносят все мои тормоза.

Разворачиваю ее к себе и снова припечатываю наши губы друг к другу в жестком поцелуе. Мои руки на ее талии. И больше я не решусь обнаглеть... Она слишком чиста, чтобы я вот так ее пачкал... Нельзя так... Только не с ней...

В тот день она отдала мне свой тоненький нашейный шелковый шарфик. У нас есть такая традиция. Исстари парень делал предложение девушке у родника, а в ответ, в случае согласия, она должна была оставить ему что-то из своих вещей... Оставила... Считалось, что если сделать все согласно традициям, то дальнейшая жизнь у пары будет такой же чистой, как воды родника... Потом я много раз буду вспоминать эту традицию, вдыхая аромат ткани, касавшейся ее, и

заливаться смехом, переходящим в вой... Но это будет потом, когда реальность накроет меня тяжелым обухом, а пока я парил в облаках...

Глава 7

Алмаз

Это место стало нашим... Мало кто сюда ходил за водой, все предпочитали источник побольше и поближе, а не здесь, на отрогах скалах, куда и залезть-то было – целое испытание... Зато мы лазили, не боясь изранить ноги... Любовь окрыляет, любовь возносит, любовь дает нам силы пережить и перетерпеть почти все... И мы жили в этой сказке почти год... На село опустилась сонная зима, ее сменила молодая весна, а потом пришло и яркое, ароматное лето... Подходила пора экзаменов. А мы только и могли думать, что друг о друге. Наши ласки стали смелее. Мы исследовали друг друга, сами удивляясь тому, что преподносила нам природа – то время никто с нами об отношениях, которые бывают между мужчиной и женщиной, то есть о сексе, не говорил. Нет, конечно, и девочки и мальчики знали, что есть табу, что есть вещи, которые до свадьбы делать было категорически нельзя, и мы никогда не переходили черту дозволенного, но и без того хватало потрясений для открытий... С наступлением тепла она надевала то самое белое платье, которое я купил ей в городе на рынке на заработанные еще прошлым летом на плантации лука деньги вместо испорченного мною тутовником. И я, уже не стесняясь, ласкал своими шершавыми мозо-

листым руками ее шелковую кожу ног и бедер, сходя с ума от ощущений, которые еще не познал в себе... Лишь что-то природное, инстинктивное подсказывало мне, как должно быть... И я делал, что мог, а мысли об остальном, о большем попросту отодвигал подальше... Я знал каждую ее родинку на тех участках тела, которые были мне доступны, обожал трогать и целовать маленькое родимое пятно на щиколотке правой ноги. Мечтал, что она будет вот также, как сейчас, в цветках люцерны, лежать со мной, только полностью голая. И я буду делать с ней все. Но пока это были только мои мечты. До тех времен, пока она станет моей женой, моей женщиной, моей... «Моей»— как зычно, как глубоко для меня звучало это слово. В нем был весь мой мир, все мое счастье, единственное мое желание в этой жизни ...

—Лала, обещай, что станешь здесь моей,—шепчу ей хриплым голосом, осипшим от возбуждения. Трусь о нее всем своим телом, сгорая изнутри.—Здесь, Лала... Здесь... Мы здесь это сделаем... Сбежим ночью из дома в день свадьбы... Будем любить друг друга в нашей пещере, у ручья... Как первые на свете мужчина и женщина... А там, внизу, будет так же, как сейчас, реветь река, заглушая наши с тобой стоны...

—Страшно, Алмаз... Я боюсь... Боюсь ночи... Ночью на той стороне за рекой все время воют волки...

Я усмехаюсь, прикусывая ее сладкую пухлую губу... Они у нее все время пухлые и искусанные мною... Это все, что я могу себе позволить... Почти все...

–Волки тебя пугают?–шепчу сквозь свою снисходительную улыбку... Какая же она у меня маленькая и наивная, моя сладкая Лала... Оторваться от нее не могу, моя рука тянется к ней между ног... Непроизвольно... Инстинктивно... Я тру ее через ткань трусов и схожу с ума, потому что она так всхлипывает, так выгибается, что и меня выгибает дугой... Как же это прекрасно, наверное, оказаться в ней там, внутри... Она так откликается, так горячет...

–Да, Алмаз, да! Твоя, Твоя, обещаю!!!–кричит мне на ухо хрипом, задыхаясь... А я уже не понимаю, где мои фантазии, а где реальность... Потому что реальность с ней круче любых фантазий...

Мы прощались болезненно, хотя каждый и храбрился по-своему. Ее знобило от волнения и уже наступившей впрок тоски, меня- от неприятного чувства тревоги, что оставляю здесь... Повестка пришла в самом начале осени, как и планировалось... А она все еще ходила с пухлыми от слез глазами, потому что не поступила, как хотела, в республиканский пединститут на учителя... Она плакала, а я в душе ликовал, хоть и делал вид, что сопереживаю... Если бы судьба сейчас увела ее в город, я бы вообще сошел с ума... Я здесь-то оставлять ее боялся, а там, где столько глаз, столько соблазнов... Ни за что... Наверное, Бог услышал мои молитвы, именно поэтому моя красавица предательски не добрала одного балла при поступлении на бюджет, платно у ее мате-

ри, естественно, денег учить ее не было. Утешали ее все, и наши учителя, и родители мои, и ее мать- мол, какие твои годы. Год посидишь, подготовишься- и снова попробуешь... И мама, и отец мои, казалось, смирились с моим выбором, по крайней мере, больше не допекали лекциями и нравочениями. Заметно расслабилась и ее мать. Для нее факт того, что рядом с дочерью такой, как я, существенно упрощал жизнь. Я был хорошим женихом. Даже завидным по нашим сельским меркам. Да и видела Людмила в наших глазах с ее дочерью блеск любви, таяла от этого, даже на минуту сходила с ее уставшего, изможденного лица тень печали и вселенского страдания, открывая вдруг взору красивые, благородные черты, запрятанные под маской времени и нужды. Может и себя вспоминала. Говорят, они с отцом Лалы Беспном очень друг друга любили. Она поэтому и осталась здесь в селе, чтобы быть рядом с ним, за могилой ухаживать. И к себе никого после него не подпустила, хотя давно, в самом начале, когда муж только умер, как поговаривают, ухаживали за ней мужчины... Видная она была женщина... Слышал, как отец как-то это обсуждал с матерью на кухне... Эмоционально обсуждал...

Я так и не засватал Лалу формально, но все знали, что сделаю это, как только вернусь. Родители уговорили повременить, сослались на тяжелое финансовое положение- мол, отец в тот год захворал, мало работал, денег на подарки не было, а мне хотелось дать моей Лале самое лучшее- ком-

плект золотой, как двоюродный брат Надир своей невесте подарил в прошлом году, отрезки красивые- шелк, сатин, кружево- чтобы пошила красивые платья и ходила, как королева, моя голубка... Все воспринимали нас как жениха и невесту. И только это, наверное, останавливало, чтобы не завять волком от ревности и страха ее потерять...

Помню, забежал к ней за пять минут до отправления автобуса в город, прижал к себе порывисто и надел на палец сделанное накануне мною подобие кольца- из медной проволоки ободок, а по центру- маленький булыжник вместо камня. Она смотрит с восторгом, а я целую ее в висок и шепчу:

–Настанет день, Лала, и я подарю тебе такого же размера кольцо с алмазом... Ты только верь мне, Лала, и дождись...

А она всхлипывает, обнимает меня горячо и шепчет сквозь слезы:

–Ты что говоришь, медвежонок, ты хоть понимаешь, какой огромный это камень? Вон, у Кристинки на кольце просто россыпь, а стоит, как три коровы...

А я смеюсь на ее причитаниями, потому что знаю, она мне верит, безоговорочно верит... Поднимает на меня глаза и сама целует в губы.

–Ничего не надо мне, Алмаз. Только ты нужен... Ты тот самый мой драгоценный камень... Возвращайся поскорее...

А дальше начались долгие месяцы разлуки и ожидания, переписка, редкие созвоны. Я служил на севере... Свидания

были исключены... Где у нее были деньги ко мне доехать. Да я бы и не позволил. Это как она бы рисковала свой чистотой и красотой ради моей сиюминутной прихоти. Нет уж, пусть лучше ждет меня дома... Так спокойнее... Дни до дембеля я считал даже не минутами, а секундами. Стоял на дежурстве, смотрел на стрелки часов и буквально бежал мыслями за ними, сокращая дистанцию нашей разлуки... Я засыпал и просыпался с ее образом в голове. Мысленно перебирал руками ее густые черные волосы, ласкал руками нежную кожу, смотрел в огромные распахнутые глаза... Казалось, вот она-протяни руку- и возьмешь... Все было просто и легко... Читал книги и удивлялся- как сложно людям дается счастье, какими витиеватыми путями их ведет судьба к нему... И мысленно благодарил Бога, что нам с ней он дал самый простой, самый легкий путь... Что мы оказались не в разных концах света, две половинки, обреченные на целую жизнь поисков друг друга, что мы родились в одном селе, под одной звездой... Счастливчики... Как я ошибался... Даже в самом страшном сне я не мог предположить, каким уродливым, окольным путем поведет нас судьба на пути друг к другу...

Глава 8

Спустя десять лет

Если и было что-то в наших традициях, от чего меня не передергивало, так это наши танцы... Много на свете завораживающего в том, что придумано человеком, вдохновив-

шемся красотой и величием природы, но кавказские танцы- это особый мир, за внешней формой которого стоит целая философия. Это глупые неотесанные мальчишки, вырвавшиеся из клещей условностей и ограничений, опьяненные свободой и мнимой вседозволенностью, попавшие на плодородную пороком и грехом почву больших городов, словно сорняки на сочный зеленый газон, делают из лезгинки дешевое шоу, выплясывая ее в торговых центрах и на улицах. Настоящая лезгинка- это танец война. Это танец тотемного животного. Это общение с Создателем, это общение с Природой... Кто-то говорит, что мужчина танцует в лезгинке партию орла... Кто-то говорит, что это горный тур в боевой готовности... А еще- это танец-диалог... Когда лезгинка парная, то есть ее танцуют мужчина и женщина, это непременно самое захватывающее зрелище... и это непременно история любви... Никак, кроме танца, молодые раньше не могли выразить свои чувства друг другу. И пускай танец сам по себе тоже был обставлен кучей условностей- так, например, женщина не имела права поднимать глаза на мужчину, а мужчина- касаться девушки, даже края ее платья, все равно, бьющиеся в едином ритме барабанов сердца танцующих, их утонченная грация, скрытая страстность являют собой самый красивый, самый чистый и самый притягательный танец любви...

Мне часто казалось, что я не являюсь частью этого кавказского мира. Что я чужая, другая, лишняя здесь... Так отча-

сти и было, потому что моя мама оставалась для всех чужой, пришлой, русской, как с презрением бросали ей вслед, а про меня вторили- полукровка, словно в этом было что-то заразное или постыдное. И я росла с этим чувством неполноценности годами, мечтая, что рано или поздно вырвусь отсюда, упорхну, как перелетная птица... Туда, где никто не спросит меня, кто по национальности моя мама и получив ответ, не одарит нестерпимым сочувственно-брезгливым взглядом. Но неизменно эти мысли рано или поздно отступали, потому что, как только я слышала любимые напевы, понимала, что танцевать меня зовут не только мои ноги или чувство ритма, что танцевать хочет моя душа... Моя душа всегда пела, поет и будет петь этой музыкой... Это она танцует всякий раз, когда я выплываю на танцпол и отдаюсь ритму... И я точно знала, что когда я танцевала лезгинку, даже самые скептические националисты нашего села невольно хлопали в такт и пристукивали ногами, восхищенно следя за моими движениями... Лезгинка- это моя отдушина, мое спасение, моя отрада... А еще она стала моей бедой... С нее и началось мое падение вниз...

Из мыслей меня вырывает Арсен, трогая за руку.

–Камила, иди потанцуй. –говорит спокойно, немного игриво,– люблю, когда ты танцуешь.

Мои губы еле заметно трогает усмешка. Печальная, но это понятно только мне. Я знаю, что он любит...

—А ты?—спрашиваю не знаю зачем, потому что он никогда не танцует...

—Иди, Камила. Покажи им класс. А мне порадуя глаз. Хоть какое-то удовольствие за мои деньги... Сам не понимаю, зачем согласился на просьбу Алмаза устроить праздник здесь... Его тоже не понимаю... Он ведь теперь богатенький буратино- снял бы лучший банкетный зал в столице...

Я знаю ответы на его вопросы. Он тоже, наверное, отчасти знает, но до конца не догадывается... *Не знает всей степени сумасшествия происходящего...*

—Да здесь почти все село. Куда бы он их разместил, устрой пиршество в столице. Это его семья, это его родина... Ну а наш дом реально пустует... Он правда словно для шикарного пиршества... Почему бы и нет...-пытаюсь делать вид, что поддерживаю беседу.

—Да уж, сколько бабла на него ушло. И что тебе приспичило строить эту махину на скале, у родника... Сколько раз мы тут останавливались? Раза три за все время?

Я молчала... Потому что мой ответ ему бы не понравился. Я строила этот дом не для нас с ним. Я строила его как памятник... Как напоминание... О нашей любви... О моей боли...

Отрываю себя от печальных мыслей. Хватит грустить... Осушаю до дна свой бокал с вином... Беспристрастно встаю, а тамада, видя это, вещает какую-то чушь про то, что сейчас будет танец радушных хозяев. Он еще не знает, что Арсен не

пойдет за мной, что он не танцует. Да всем уже наплевать. Половина зала пьяна, вторая устала...

Я присоединяюсь к живому кольцу, опоясывающему пространство для танца, и меня тут же приглашает в круг кто-то из парней. Ловлю инициативу и плавно двигаюсь, скользя щелками своего платья по полу. А потом поднимаю глаза и понимаю, что мой партнер сменился, и теперь со мной танцует Алмаз...

Вопреки всем условностям, вопреки всем традициям, вопреки десяткам осуждающих взглядов, устремленных на нас, мы смотрели друг на друга неотрывно, двигаясь в танце. Все то, о чем я когда-то мечтала. Я в белом красивом платье, у нашего ручья, танцую с ним лезгинку... Бойтесь своих желаний, люди... Никто никогда не знает, в какой искаженной форме они могут дойти до небесной канцелярии... Я забываю об Арсене, про недовольно вззирающих на все это родителей Алмаза, про змеиные перешептывания теток за спиной: «бесстыжая». Я просто танцую, словно, как только музыка закончится, остановится и мое сердце... И в блеске наших устремленных друг на друга глаз вся наша история... за исключением страшных страниц, которые он не знает, которые я никогда ему не открою, которые я навсегда от него спрячу...

А потом мой острый взгляд случайно ловит бледное лицо его юной и прекрасной невесты... И мое сердце невольно сжимается. В двух озерах ее чистых невинных глаз я вижу

столько боли, столько смятения и растерянности, что автоматически опускаю взор в пол, быстро прикладываю руку к груди, объявляя о завершении своего представления, и ухожу...

Когда я снова сажусь за стол, восстанавливая дыхание, прикладывая салфетку к покрывшемуся легкой испариной лбу, Арсен на меня не смотрит. Он в телефоне, увлечен какой-то перепиской. Не какой-то, я скорее всего знаю, с кем он переписывается. Очередная его селебрити-пассия из числа балерин, ведущих или актрисулеч. Скоро узнаю из новостей желтой прессы. Сажусь рядом, мысленно молясь, что увлеченность флиртом позволили ему пропустить то, что я сейчас вытворила.

Он быстро поднимает взгляд на меня и шепчет одними губами, но я все равно слышу.

– Сука, сегодня отработашь...

Вот и закончился наш мнимый мир, нет больше наигранной для публики галантности. Вот все и встало на свои места...

А я в ответ растягиваю губы в улыбке, ошарашивая его своей реакцией. Ему не нужно знать, что только этого я и ждала сегодня ночью. Чтобы мне было максимально больно, максимально плохо... Готова была снести любое скотство, лишь бы не думать о том, что Он с ней... Этой молодой красавицей с невинными глазами... Которая уже меня ненавидит... А я ее... Хоть мне отчаянно хотелось бы ее полюбить,

как сестру...

Торжество близится к концу, гости потихоньку расходятся, а я исподтишка смотрю на профиль Арсена, который ни раз больше не обернулся на меня. Он постарел, немного осунулся, хотя жизнь в достатке и роскоши делают эти естественные изменения в нем далеко не такими заметными, как если бы он был простым смертным. А я вспоминаю тот день, когда злой рок судьбы свел меня с ним... Он показался мне таким старым, почти в отцы годившимся... Смешная, только сейчас, с годами, понимаю, что вовсе он и не был старым. Мне было восемнадцать - ему тридцать пять. Тогда разница в семнадцать лет казалась мне чудовищной... И только сейчас до меня, двадцативосьмилетней женщины, стало доходить, что тогда, тридцатипятилетний высокий стройный олигарх в нашем бедном убогом селе казался просто каким-то Богом, сошедшим с Олимпа. Теперь понимаю этот неестественный блеск в глазах женщин, их заискивание перед ним, непроизвольный флирт... Его хотели все... А он выбрал меня... Скромную, стеснительную девушку с косой в белом кружевном платье, которую заставили танцевать лезгинку перед ним в рамках той убогой, скудной культурной программы, приготовленной нашей школой для торжественной встречи известного на всю республику мецената и филантропа.

Арсен Капиев, или Мутный, как называли его когда-то, стремительно разбогатев, как на дрожжах, прославился не

только тем, что прожигал свою жизнь, утопая в роскоши и развлечениях, небольшую часть своего благосостояния он все же вкладывал и в развитие родного края. Деньги для него копеечные – такие же он тратил на один перелет на своем частном самолете- на топливо и техническое обслуживание, зато отдача была шикарная- восхваление, почет, уважение, открытые двери во все инстанции. Для бывшего хулигана, срубившего свое первое большое бабло на шантаже и мошенничестве, такое, хоть и выторгованное, но уважение было чем-то сродни бальзаму на душу. Это через несколько лет он станет совсем большим человеком и в столице, легализовав свои активы, основав помимо темных делишек вполне себе легальный и солидный строительный бизнес. И тогда уже за простое упоминание полупрошепотом ему в спину ненавистной клички молодости «Мутный» он мог наказать очень жестко... Потом пойдут госконтракты, а с ними- еще более огромные прибыли. Сумасшедшие деньги, которые вывели его в число богатейших людей страны. Деньги были действительно сумасшедшие. Такие, какие даже понять разумом не можешь. Они просто отображаются на твоих счетах кучей нулей, которые за раз и не посчитаешь- собьешься. Забавно, но с определенного уровня благосостояния совершенно перестает иметь значение- ты миллионер или миллиардер... Потому что лучше жить уже невозможно... Потому что купить и так уже можешь все, кроме того, что не продается... И тогда подключаются три чувства- тщеславие, азарт и сума-

сшествие. Дальше бой идет по этим трем фронтам... Так в жизни Арсена появились два новых увлечения- казино и бои без правил. И первое, и второе стали не только его хобби, но и бизнесом. Он, как та волшебная антилопа из сказки, превращал в золото все, к чему прикасался. Поэтому неудивительно, что всего спустя пару лет после запуска обоих проектов они стали дико популярными и приносящими колоссальные барыши. Организованная Арсеном фант-площадка смешанных боев без правил быстро приобрела авторитет не только в России, но и за ее пределами. Поскольку далеко не все спортсмены международного уровня горели желанием ехать в Москву на соревнования, решено было перенести ее в Дубай, куда стекались «все деньги и понты мира» – главный лозунг МеллаТор- фант-клуба Капиева. У всех организованные на этой площадке состязания неизменно ассоциировались с яркими выступлениями, шикарным мордобоем, неповторимыми шоу и большими деньгами. Это место делало из успешных и талантливых бойцов миллионеров и звезд, а тех, кому талант и фортуна улыбнулись меньше- погружало в пучину позора и лузерства. Каким бы путем ни вела судьба попавшего на ринг МеллаТор, одно правило в фант- клубе было неизменно для всех- здесь самый честный, благородный чемпион неминуемо превращался в жестокого хищника, иначе тебе нечего было делать в этом месте, иначе тебя сожрут. Сколько спортивных карьер сломалось именно здесь, сколько амбициозные, съдаемые жаждой побе-

ды и больших денег, сгорели на турнире-кто-то получил не сопоставимые с жизнью травмы, другие остались инвалидами, третьи загремели в тюрьму за то, что убили по неосторожности, а законодательно от этого прикрыты не были. Но ужаснее всего было именно то, что пресыщенных роскошью, богатых посетителей клуба интересовало именно такое мясо, а не обычные бои... Чтобы шоу заканчивалось не только пределами ринга, но и затрагивало жизни людей... Меняло их, коверкало... И плевать, речь шла о том, что человек в одночасье, всего после одного боя, превращался в миллионера, или попадал в тюрьму по обвинению в непредумышленном убийстве... Мало кто знал, но параллельно с файт-клубом существовала другая реальность- мира рулетки и не только ее. Арсен умело манипулировал чувствами людей, поглощенных инстинктами. Кровь, насилие, азарт, страсть- все было включено в его идеальную бизнес-схему человеческих пороков. В то время, как на ринге шли бои, трансляции которых платно смотрели по всему миру десятки миллионов людей, в секретных залах, для особо избранных, испытывали удачу и судьбу за карточным столом, рулеткой или просто на ставках относительно того, кто же победит в очередной схватке.

Глава 9

Десять лет назад.

Камила

Закройте глаза и подумайте обо всем хорошем, что было

в вашей жизни. О том, что запомнилось настолько ярко и сильно, что буквально оживает, стоит только представить... Большинство таких воспоминаний из детства... Ну как из детства... Человек остается ребенком до тех пор, пока не столкнется с правдой жизни... В моем случае это произошло в 18 лет... До 18 лет я могла считать себя ребенком, хоть и пытающимся вкусить первые плоды взросления... Сейчас, смотря на себя ту, я понимаю, что была далека от всего того, что считается счастьем и благополучием. Да и тогда я это прекрасно понимала, просто время имеет одну уникальную особенность-стирать все плохое... Если только это плохое не калечит нас раз и навсегда... Но в тот день меня как раз покалечили... Иначе я бы точно могла забыть этот кошмар, а он не забывается...

Обхаживать Капиева администрация села делегировала самому авторитетному и динамичному его жителю- отцу Алмаза Аслану. К тому же, все втайне питали надежду на то, что олигарх раскошелится и выделит еще несколько жалких крох из своего толстого кармана на ремонт стадиона и зала для борьбы. Потом, конечно, я узнала, что Аслан преследовал и личную, гораздо более корыстную цель... Он видел Алмаза чемпионом, мечтал сделать так, чтобы тот не профукал свой талант, выбился на международный уровень, желательнее, в какую-нибудь высшую лигу боев без правил, где водились уже совсем другие деньги, где борцы становились

звездами с многомиллионными рекламными контрактами... А Арсен как раз мог бы ему в этом помочь- стать хорошим спонсором спортивной карьеры сына. Благо, что он уже имел за спиной опыт продвижения нескольких хороших бойцов международного уровня. Под скромным словом «продвижение» понимался весь спектр услуг-гонорары тренерам, перелеты, экипировка, проживание, решение паспортно-визовых вопросов, так как на тот момент абсолютное большинство фант-площадок располагались в США. И хотя сам Алмаз презрительно фыркал всякий раз, когда отец заводил подобного рода разговоры о боях без правил, сомнения в его твердом взгляде я неизбежно читала. Сурово и несправедливо устроена наша жизнь. Ты мог стать спортсменом, ты мог добраться до пьедестала, заслужить уважение, почет и даже славу, но максимум твоей карьеры- Олимпийские игры. В случае победы- кусок металла в виде медали, которая будет пылиться в старом серванте, самой дешевой комплектации автомобиль в качестве поощрения, пару интервью в черно-белых газетенках про спорт, которые уже никто не читает, и как венец карьеры- работа тренером. Тяжелая и неприбыльная... Совсем другое дело- бои без правил- это мир грязных, больших денег, насилия и бешеной славы. Это мир жестокости, это мир яркого шоу. И сколь бы презрительно и высокомерно талантливый чемпион ни смотрел на тех, кто уходил из большого спорта туда, на нелегальный ринг, в конечном итоге бабло побеждало зло... Благородством де-

тей не прокормишь. На благородстве далеко не уедешь. Благородство тебе дом не построит... Отец Алмаза был чемпионом и даже занял второе место на Всесоюзном чемпионате по вольной борьбе. И он стал хорошим тренером. Уважаемым человеком. И бедным, как и все остальные, не чемпионы. Для сына он хотел другого, тем более, что мальчик был талантливым в своем деле- победы с 14 лет, хорошая дисциплина, техника, характер прям для бойца. Все эти качества можно было с легкостью направить на создание новой звезды. Так что Аслан потихоньку настраивал Алмаза, что этот сомнительный вид деятельности надо воспринимать как трамплин в светлое будущее. Век спортсмена короткий, зато может прокормить на всю оставшуюся жизнь... Я молча слушала эти разговоры и уже заранее боялась за своего Алмаза... Не нужда меня пугала, а то, что с этих боев без правил многие возвращались калеками, а кто-то не возвращался совсем... Но я держала язык за зубами, как полагается правильной невестке... Не мое это было дело-оспаривать волю мужчин...

В тот день Аслан вел себя как-то странно. Слишком взволнованно, слишком суетно что ли... Я связывала это с тем, что как раз на следующий день из армии возвращался наш Алмаз. Даже сетовала, что не на день раньше, а то бы увидел наш праздник, к которому мы так тщательно готовились всем селом- и пляски, и стихи, и застольные тосты для ува-

жаемого гостя... Все силы были брошены на то, чтобы очаровать богатого мецената из Москвы, который бы решил потратить гигантскую по нашим меркам сумму не на очередную пару хороших ботинок, а на нашу инфраструктуру.

Мне этот Капиев сразу не понравился. Он почему-то напоминал мне змея. Вроде бы, не урод, даже симпатичный. Статный, одежда шикарная, сразу видно. Такой, холеный, самоуверенный. Наверное, такие нравятся женщинам. Вот только никак не могла оправиться от какого-то гадкого чувства, которое преследовало меня с той самой минуты, как вышла танцевать с ним приветственную лезгинку. Буквально нутром почувствовала его холодный, пробирающий до костей блеск глаз во время танца, его хищную улыбку... А потом то и дело ловила на себе его взгляды, когда еле досиживала на жесткой скамейке в ожидании окончания праздника, давно бы ушла, да только подбежал ко мне маленький сосед Алишка и сказал, что Аслан попросил остаться до конца, помочь ему кое с чем...

-Камила, Аслан сказал, чтобы ты взяла сладости из его кабинета и быстро шла к ним домой. Арсен Дибирович придет сейчас туда чай пить.

И я побежала, сломя голову, идиотка. Я же почти невестка им. А слово свекра-закон. Как же я хотела казаться им хорошей, исполнительной, хозяйственной. Что бы там кто им про меня за спиной ни плел... Захватила сладости, заскочила в

дом, окликаая Марджану-мать Алмаза, а ее почему-то нигде нет. Обошла сад, зашла в сарай, вернулась в дом-странная, подозрительная тишина. Прошла через прихожую в жилую комнату, оттуда- в одну из спален, кличу ее, думаю, может решила вздремнуть. Слышу скрип двери-оборачиваюсь. На пороге стоит этот самый Арсен Дибирович. Я чуть в обморок тогда не упала. Волнительно стало и неудобно, что гости уже в доме, а ничего не накрыто. И куда только запропастилась Марджана. Очень на нее не похоже. Ответственная она женщина была, хозяйственная.

Нервно улыбаюсь,— эээ, здравствуйте, Вы уже пришли? Я сейчас... мне только найти хозяйку... Чай сейчас будет... Конфеты принесла...

Он улыбается как-то вкрадчиво, словно забавляясь что ли, наклоняет голову и смотрит на меня нагло. Закрывает за собой покрашенную краской деревянную облупившуюся дверь. Подходит ко мне и зачем-то трогает мое лицо. Я невольно отстраняюсь. Это что еще такое? Так не принято у нас! Алмаз меня тоже трогал, но этого никто не знал... К тому же Алмаз- это Алмаз... А этот человек-он меня впервые в жизни видит...

—Камила тебя зовут, да?— спрашивает, совершенно не смущаясь тому, что я отстранилась, что в моих глазах страх, что я пячусь назад, к стене.

—А меня Арсен... Для тебя Арсен...— шепчет он, и мне становится очень сильно страшно. Потому что его взгляд

недобрый... И он плохой... Грязный...

А потом все как в тумане. Он хватается меня за талию, опрокидывает на топчан, со всей силы зажимая рот, потому что я пытаюсь истошно кричать. Нагло сминает мою грудь, задирает платье, разрывает хбшные трусы и я чувствую жуткую, раздирающую, уничтожающую боль. Жгучую, постыдную, убивающую мою душу... Он толкается резко и быстро, скользя языком по моему заплаканному красному лицу, словно я мороженое. Не стонет и не говорит ничего, только прерывисто дышит с каждым толчком. А у меня в голове пульсирует только одна мысль- не успели, не спасли... Не вырвали меня из его лап... Где же был мой свекр, как так получилось, что этот гад оказался здесь один... И что делать дальше... Аслан не переживет позора, убьет этого Арсена... А как же Алмаз... Господи, мой Алмаз... Как я смогу смотреть ему в глаза после всего этого...

Насильник судорожно содрогается, в последний раз совершая выпад в мою сторону, а потом опадает на меня всем своим телом, прибывая к пахнувшей чьим-то потом и старостью перине.

Я уже не пытаюсь кричать, только бесшумно плачу, смотря неотрывно в одну точку на потолке.

Он встает, разминает шею, руки, выпрямляется, поправляет одежду и застегивает ширинку.

Подходит снова ко мне, ухмыляется, смотря на окровавленное пятно между ног, которые я даже не попыталась све-

сти и прикрыть от шока и только сейчас группируюсь в неловкой попытке скрыть свой позор... От кого, только...

Берет меня достаточно грубо за подбородок и заставляет посмотреть на него.

—Послушай сюда, девочка Камила. Предлагаю один раз. Я вообще все предлагаю один раз. Понравилась ты мне очень, Камила. И там тоже,— кивает головой в сторону моего паха,— очень понравилась. Мне кажется, ты мне подходишь. И что целка была—это очень хорошо... Завтра вечером улетаешь со мной. Женой своей сделаю. Считай, повезло тебе, девочка. Сорвала джек-пот. Закончится нищенское существование... Правильно себя вести будешь— сама не поверишь в свою сказку. Так что если не дурочка, то вещи соберешь и завтра в пять зайдут за тобой. А если дура—то останешься гулящей шкуркой, на которую никто теперь даже не посмотрит, потому что не девочка. Думай, красавица... Время есть.

Встал, направился к выходу, открыл дверь, а я вижу в проеме двери заходящего в дом отца Алмаза. Откуда-то появляются силы, вскакиваю с места, как оглашенная, бегу к нему, чуть не сбивая своего насильника. Кидаюсь к свекру в ноги, плачу, кричу, пытаюсь рассказать, что сейчас произошло, отчаянно жду защиты и... в этот момент ловлю их взгляды... Они смотрят друг на друга так... так, словно все произошедшее— это не секрет... Словно они в сговоре. Арсен так же решительно направляется к выходу и уже в дверях кидает небрежно:

—Аслан, ну ты тут разберись. Короче, завтра в пять жду ее...

Я отступаю назад... Всматриваюсь в глаза свекра, пытаюсь прочитать в них хотя бы что-то, но к ужасу своему могу прочитать только одно.... Презрение и ненависть. И... торжество...

Глава 10

Я так и сидела на полу, согнувшись в три погибели. А он глубоко вздохнул, отодвинул с шумом тяжелый деревянный стул и уселся.

—Послушай сюда, Камила. Пора бы уже поумнеть и повзрослеть. Здоровая уже девка, созревшая, а умом такая же наивная дурочка, как десять лет назад... Не даром даже ни в один паршивый институтишко поступить не смогла,— начинает издалека.

Я всхлипываю, не в силах поднять на него глаза, как нашкодившая школьница... До меня все еще словно не доходит осознание случившегося...

—Давай начистоту. Не пара ты Алмазу... Никогда не была парой... Полурусская босячка... Ничего ты не умеешь, дохлая, да еще и слишком красивая... Такие женщины приносят только проблемы мужу на голову... Жена должна быть покладистой, работающей и той, кто пылинки с мужа будет сдувать... Чтобы она ему в рот заглядывала, боялась его потерять, слушалась во всем, а с тобой что он делать будет? Ты же

не ваза хрустальная, чтобы всю жизнь носить тебя на руках
и думать, что одно неправильное движение- и разобьешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.